

Генерал Карбышев из последнего спектакля Театра имени Ленинского комсомола «Диктатура совести» М. Шатрова твердо стоит на сцене, сцепив за спиной руки. Откинута голова, спина отточенно прямая, в зал устремлен спокойный, пронизывающий пространство и время взгляд. Караченцов умышленно ведет роль на одной краске: не до многокрасочной палитры его героя. Через десять минут узник лагеря Маутхаузен генерал Карбышев погибнет, его на морозе обольют ледяной водой из пожарного брандспойта. И актер произносит текст роли, будто на мраморе слова высекает: «Человек может быть таким великим, каким он захочет быть». Он ходатайствует о приобщении к документам процесса портрета генерала... и просит прервать спектакль: в зале присутствует дочь героя Елена Дмитриевна Карбышева. Слово электрическая дуга высекает искры над залом и обожгла зрителей, когда Караченцов с букетом пунцовых гвоздик спустился в зал к пятому ряду, и невысокая сидящая женщина прижала к груди актера вздрагивающую от плача голову...

Актер попросил прийти меня задолго до вечернего спектакля — в дневное послерепетиционное «межвременье». Улица Чехова. Здание Московского театра имени Ленинского комсомола. Вечерами пятачок перед театром осаждают толпа желающих посмотреть «Тилья» или «Юнону» и «Авось», «Оптимистическую трагедию», «Звезду и смерть Хоакина Мурьеты» или «Жестокие игры», где у Караченцова ведущие роли. Сейчас перед театром пустынно. В притихшем фойе у служебного входа — только вахтерша за столиком у двери. Помню легенды о пунктуальности Караченцова, жду... Энергичный, шумный, яркий, Караченцов сразу заполнил собой все пространство. Поднимаемся в его грим-уборную... Когда я выключила магнитофон, поняла, что актер отвечал на вопросы, которые не я задавала. Не я спрашивала у Караченцова, из чего соткана для него роль графа Резанова из оперы «Юнона» и «Авось». Над этим размышлял он постоянно.

Умный актер всегда «дополняет» роль. Но странно бы выяснять у него, «как сумел он сыграть». На то и обучался актерскому мастерству, умению перевоплощаться, входить в образ, владеть богатым арсеналом профессии. И наверняка для нас, зрителей, должно остаться тайной, каким образом управляет Караченцов своей актерской тех-

никой, из каких нервных тканей пытается соткать роль. Важно ощущать, как переживает он на сцене судьбу славного русского путешественника Резанова, как принимает на себя будто бы заново все удары судьбы своего соотечественника, жившего два столетия назад. Как он — влюбляется и любит, рискует и не дорожит бесценной своей жизнью, спешит растратить годы, дни, часы в службе своему Отечеству.

Конечно, я не спрашивала у актера, «как сыграть Резанова». И такое странное со-

Николай КАРАЧЕНЦОВ:

«НЕ ПОТЕРЯТЬ МЕЧТЫ»

впадение: актеру, как и его герою, 40 лет, и имя-отчество обоим дано — Николай Петрович. Может быть, еще и этим близок герой его исполнителю? Вот что говорил мне Николай Караченцов о своем ощущении образа:

У — Можно пожалеть, что в нашей истории ряд фигур незаслуженно подзабыт. Некоторые из них двигали историю государства нашего вперед. Развивались цивилизация, человечество благодаря прекрасным людям. Каждый из них был неординарен. Что для меня за понятие — «первопроходец»? Самостоятельный, никак не стереотипное мышление в человеке. Иначе будет отличник, занимающийся тем, чтобы понравиться учителю, вместо того, чтобы самому идти вперед. По хорошему неспокойные слова в опере «Юнона» и «Авось»: «Он мечтал, закусив удила, свест Америку и Россию. Авантюра не удалась, за попытку — спасибо!» Пускай не получилось у Резанова довести дело до конца. Но он этой попыткой духовно перенес всех нас туда, куда никто никогда в жизни не ходил. Что за смелость должна быть подсознательно, что за страсть, что за сила у этой личности! Как актер я не смею забывать, что Резанов — граф. Но хотя он и граф, и дворянин, он в то же время еще и русский, простите, мужик! И не какой-нибудь, а именно русский — со всей его удалью и со всей его половинчатостью. Только русский человек мог начать строить большой дом, а на половине строительства влю-

биться непонятно в кого и бросить все, и пойти за ней. А потом — эй-й-й! — за два дня закончить так вдруг...

...Десятки театральные роли, более 40 кинокартин с участием Николая Караченцова, не говоря о телеспектаклях, постановках на радио. Чего еще желать, в общем-то, молодому актеру? И не суть ли это актерского счастья? Но странно, что Николай Караченцов до сих пор по-актерски голоден, жаждет растратывать себя, спешит жить в искусстве насыщенно. Отказался, например, от

этом актере не знал никто. Играл Караченцов, бесспорно, на равных с партнершей. Но за добрый десяток лет спектакль стал крепче, спрессованнее, намного сильней. Просто вырос за эти годы в мастерстве актер Караченцов, а вместе с ним — весь спектакль. Старая добрая истина: актерскому ремеслу учатся в работе над ролями. В этом смысле Караченцову повезло с театром, где молодые актерам доверяют масштабные роли. Он пришел в Ленком в 1967 году выпускником Школы-студии при

началу по-хорошему возится. А дальше уже — как деле пойдут. Но проверка, возможность — все дается молодым. Мы много играем, овладеваем профессией. А ежели в театре учат относиться к каждому выходу на сцену, как к поводу для самосовершенствования, то можно считать, что все в порядке в нашем театре. Уже в первые годы я очень много ролей наиграл. И это было предварительным этапом, без которого у меня Тиль, может быть, и не получилось бы. В старом МХАТе это называлось словом «нахалява», который должен быть у актера: трудно решиться на то, чтобы три с половиной часа тащить на себе весь спектакль, где участвуют очень сильные актеры... Да, наверное, началом моей актерской жизни был все-таки этот спектакль. Я впервые столкнулся с мощным мастером режиссуры. И за это я сегодня благодарен Марку Захарову, который, конечно, рисковал: могло получиться, могло и нет — никто не знал.

Трудно судить, учит ли главный режиссер Московского театра Ленинского комсомола М. Захаров актеров своих по-умному существовать на сцене в предлагаемых обстоятельствах или воспитывает в них чисто человеческие качества, без которых и не состоит настоящий актер. Но один из лидеров его труппы Николай Караченцов поражает внутренней ответственностью и серьезностью в работе, самоотдачей. Он всегда работает на выкладку. Поэтому, наверное, и излучает на сцене невероятное количество энергии, устанавливает тем самым подлинный контакт со зрителем во время спектакля. Не падать себя, не экономить силы, нервы — может быть, это принцип его жизни?

Есть еще одна грань актерской профессии Караченцова, где он тоже покоряет этой чертой своей, не только профессионализмом. Я имею в виду пение этого драматического актера, как особый род работы.

Не экономить силы, но экономить время — неплохой расклад профессиональной и бытовой жизни. Жизнь свою Караченцов расписывает, по часам. «Уже составил план до конца 1986 года», — пошутил.

...Мне говорят: расскажите о вашей мечте, что вы хотели бы сыграть? Никогда не скажу. Потому что ежели я скажу — это уже не мечта. Она потеряет смысл. Не стереть, не истереть, не заговорить, не заболтать то, что действительно дорого, ценно... Так и живу.

Н. ШЕХТЕР.

Караченцов появляется на сцене, и зал ощущает в спектакле мужчину с масштабом чувств, эмоций, с духом романтики. Может быть, самое ценное в творчестве заслуженного артиста РСФСР Николая Караченцова — его порыв вернуть театру мужчину с присущей ему честью, возвышенностью, сдержанностью, достоинством.

предложения работать над фильмом как режиссер-постановщик: сколько за это время можно рассказать людям языком актерской профессии! По природе своей Караченцов актер очень и очень театральный. И не только потому, что ежедневно репетирует и играет в театральном доме на улице Чехова, где и состоялись главные его роли. Он театрален уже по натуре своей. Караченцов уходит от соблазна так называемой бытовой правды. Когда ищет характерности героя, не отказывается от грима, как яркого театрального средства, мучительно отыскивает свойственный только его герою говор, походку.

Кажется, впервые в кино Николай Караченцов стал замечен в телефильме «Старший сын», снятом режиссером В. Мельниковым. А в театре — в спектакле «Тилья» в роли Тилья Уленшпигеля. Он играл в паре с тогда уже известной, популярной актрисой Инной Чуриковой. А о юноше, который, страдая, прижимал руки к груди, взрывался словами: «Пенел Клааса стучит в мое сердце» — об



МХАТе, где педагогами у него были В. К. Монюков, В. Я. Станицын, В. О. Топорков, К. Н. Головкин.

— Эти люди закладывали в мальчиков и девочек любовь к великому искусству, которое называется театр, — говорит о них Н. Караченцов. — Учиться у них было радостью, чудом и подарком судьбы. А потом, в Ленкоме, единственным счастьем было обилие ролей, которое свалилось на артистов. То, чего молодые актеры, попадая в театр, обычно не имеют. Играют, как правило, в массовках, довольствуются выходами в эпизодах, прежде чем доживут до чего-то. Вот, скажем, я рад, например, что у Марка Захарова установилась традиция проверки молодого актера главной ролью. Обратите внимание, сколько молодых актеров, придя к нам в театр, сразу сыграли большие роли: А. Абдулов — «В списках не значился», Т. Долилова — «Жестокие игры», Т. Кравченко — «Мои Надежды», А. Сири — «Чинарский манифест», Е. Степанова — в спектакле «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты». С молодыми актерами Захаров по-